

3. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Топонимическая перифраза: введение в проблему // *Λογος όνομαστική*, 2006, № 1. – С. 72–80.
4. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М.: Воскресенье, 1998–2007. – 8 т.
5. Калинин В.М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
6. Обухова Е.Д. Принципы составления словаря ономастических единиц творчества А.С. Пушкина. Автореф. ... канд. филол. н. – Воронеж, 2009. – 24 с.
7. Рогозина В.И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова // *Λογος όνομαστική*, 2009, № 1(3). – С. 94–99.
8. Рогозина, В. И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова / В. И. Рогозина ; [под общ. ред. Е. С. Отина]. – Донецк : Юго-Восток, 2011. – 273 с.

КОГНИТИВНАЯ ОППОЗИЦИЯ СВОЙ/ЧУЖОЙ КАК КОМПОНЕНТ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ И ФАКТОР ДИСКУРСИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

И.И. Чумак-Жунь

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
(Белгород)

Национальное самосознание включает не только осознание своей национальной идентичности, но и систему оценок, суждений, взглядов представителей данной нации на мир и на свою общность как на часть этого мира. Именно эти представления и лежат в основе базовой ментальной оппозиции *свой/чужой*, суть которой можно обобщить в нескольких основных тезисах:

- оппозиция формирует основные исторические типы мировоззрения, являясь определяющей для каждой национальной картины мира;
- является универсальной и встречается в любой лингвокультуре и в любой ее разновидности;
- опирается на различные мировоззренческие схемы, которые можно определить как когнитивные матрицы;
- члены оппозиции преимущественно разграничиваются на шкале оценочности: свое как положительное, а чужое – как отрицательное;

– оппозиция вербализуется дейктическими элементами (местоимениями, указательными словами) и коннотативно окрашенной лексикой;

– отношения между участниками оппозиции могут выстраиваться по-разному – от воинственного неприятия Чужого до философского отношения к Иному.

Представление о своем-чужом в немалой степени обусловлено социо-когнитивно-культурной лингвосредой обитания личности: человек меняет дискурсивные лики, при этом сферы «свое» и «чужое» наполняются многомерным содержанием, обусловленным также и ментальной деятельностью индивидуума, но неизменными остаются национальные и/или конфессиональные условия его существования. С другой стороны, мировоззрение человека формирует еще и среда искусственная: политический дискурс (дискурс власти) навязывает когнитивную матрицу *свой/чужой*, которая носит идеологический характер. Цель воздействия дискурса власти в этом случае – не только сформировать и взять под контроль смыслы идеологически маркированных концептов «Власть», «Религия» и «Мораль», определяющих позиции своего-чужого в коммуникативном сознании, но и очертить четкую границу, не пропускающую чужое как неприемлемое и неправильное. Эти ментальные образования – своеобразная лакмусовая бумажка инакомыслия: выразителей «правильных» (идеологически выверенных) концептуальных смыслов относят к *своим*, остальных – к *чужим*.

В тех случаях, когда в коммуникативном пространстве продуцируется когнитивная матрица, в которой свои-чужие меняются местами относительно официальной точки зрения, властный дискурс принимает все меры, чтобы пресечь подобное явление. Особенно драматично противостояние поэтический – политический дискурс, при котором «противоположная» матрица формируется в поэтическом дискурсе: нередко результатом такого противостояния является трансформация или забвение поэтического текста или уничтожение (физическое или психологическое) автора. Политкорректной по отношению к дискурсу власти считается личность (в поэтическом дискурсе – Поэт), которая поддерживает сильную, мудрую, «правильную» власть,

Наглядными примерами «видоизмененной» матрицы являются написанные с промежутком почти в сто лет стихотворения М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия...» и О.Э. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...», в которых демонстрируется негативное отношение к власти как к носителю зла. Механизм трансформации матрицы свой-чужой можно проанализировать, вслед за Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным представив семантическое пространство названных текстов в трех ракурсах:

– как концептуальное пространство, то есть фрагмент индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора;

– как денотативное пространство, то есть воплощенное в тексте индивидуально-авторское знание о мире, представленное в интерпретированном отображении определенной ситуации;

– как эмотивное пространство, то есть воплощенную в тексте оценку мира автором с целью воздействия на этот мир, преобразования его [1, с. 49-122].

Концептуальное пространство текстов.

Основной концепт, который организует концептуальное пространство текстов – концепт «Россия». Он представлен в заглавиях произведений, названных по первой строчке – «Прощай, немытая *Россия...*», «Мы живем, под собою не чуя *страны...*». Этот макроконцепт, представленный в творчестве каждого русского поэта-классика, в рассматриваемых стихотворениях ограничен субконцептом «Власть».

Когнитивно-пропозициональная структура текстов содержит одинаковые позиции этого концепта: субъект власти – его характеристика – его действия по отношению к подвластным субъектам – отношение к лирическому герою.

Позиции субъектов власти в стихотворении Лермонтова занимает следующий ряд слов: *господа, голубые мундиры* и *наши*. Эти номинации в тексте оказываются противопоставленными обозначениям подвластных субъектов: *господа – рабы, голубые мундиры – народ, наши – я* (лирический герой). В тесноте стихового ряда в семантической структуре этих лексем актуализируются те семы, которые в полной мере определяют отношения между людьми, характерные для данной власти. Страна делится

на *господ* и *рабов* (семантическая оппозиция ‘угнетатель’ – ‘угнетенный’), на безликих жандармов и преданный народ (‘всесильный’ – ‘покорный’, ‘раболепный’), *нашам* противопоставляется образ лирического героя (‘всемогущий’, ‘нецивилизованный’ – ‘бесправный’, ‘свободолюбивый’). Власть представлена как четко очерченное всемогущее зловеще-неподвижное образование (единственный глагол *Сокроюсь* относится к намерениям лирического героя). Концепт «Власть» в стихотворении представлен рядом соответствующих оппозиций и имеет следующие смыслы – ‘неправедная’, ‘дикая’, ‘нецивилизованная’, ‘всемогущая’.

В стихотворении О. Мандельштама субъекты власти представлены лексемами *кремлевский горец* (*осетин*), *вожди*. Власть построена иерархично. В центре *кремлевский горец*, обладающий необыкновенной, нечеловеческой силой (*слова, как пудовые гири; как подковы, кует за указом указ*), имеющий нечеловеческую внешность (*пальцы, как черви, тараканьи усища*) и издающий нечеловеческие звуки (*бабачит и тычет*). Вокруг него – *вожди-полулюди*, услугами которых он играет. Подвластные субъекты представлены местоимением *мы*. Только они обладают человеческой речью и могут испытывать обыкновенные чувства, но субъекты власти не дают им такой возможности (*Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи на десять шагов не слышны, А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца*). В отличие от лермонтовского стихотворения, в тексте Мандельштама власть активна. Глаголы обозначают действия *кремлевского горца* (*играет услугами полулюдей, кует за указом указ*), звуки, издаваемые им (*бабачит и тычет*) и *полулюдьми* (*кто свистит, кто мяучит, кто хнычет*). Как реалии власти представлены в стихотворении лексемы *указ* и *казнь*. Концепт «Власть» в стихотворении Мандельштама передает смыслы ‘всесильная’, ‘бесчеловечная’, ‘страшная’, ‘всемогущая’, ‘несущая боль и смерть’.

Денотативное пространство текстов.

В отличие от поэтических текстов в целом, в которых действительность представлена преимущественно в обобщенно-отвлеченном виде, в данных поэтических текстах в художественной форме отображена действительность современной поэтам России.

В стихотворении М.Ю. Лермонтова представлена не только реальная ситуация прощания лирического героя с родиной (ссыл-

ка 1840-41 гг.), но и информация о существовании позорного для России крепостного права (*страна рабов – страна господ*), о жандармском всевластии, поддержанном невежеством народа (*мундиры голубые – преданный народ*), об отношении личности (поэта) и правителей (*сокроюсь от... нашей, от ... всевидящего глаза, от ... всеслышающих ушей*).

В стихотворении Мандельштама передана внетекстовая ситуация, которую через много лет определили как культ личности – невозможность сказать правду (*Наши речи за десять шагов не слышны*), полная узурпация власти одним человеком, угроза для жизни, исходящая от него (*кует за указом указ Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз...*), невозможность полноценного существования (*полразговорца, полулюди*).

Художественное пространство в текстах маркировано – речь идет о территории России (*прощай, немытая Россия, кремлевский горец*). Замкнутое пространство в стихотворении Лермонтова ограничено *стеной Кавказа*, а в мандельштамовском образует круг из десяти шагов (*наши речи за десять шагов не слышны*) по утраченной или потерянной стране (*мы живем, под собою не чуя страны*). Выход из этого пространства для лирического героя – спасение, но если в стихотворении Лермонтова есть надежда на него, выраженная, правда, с помощью предположительной модальности (*Быть может, за стеной Кавказа Сокроюсь...*), то герой Мандельштама этой надежды лишен (*А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца*).

Описываемое текстовое время синхронно временной позиции героев – они ведут свое повествование «из настоящего» (*Прощай, немытая Россия..., Мы живем, под собою не чуя страны...*), а некоторые детали указывают именно на настоящее историческое (*И вы, мундиры голубые – о цвете жандармских мундиров в эпоху Лермонтова; Тараканьи смеются усища, И сияют его голенища – о деталях внешности И.В. Сталина*). Лирический герой находится внутри описываемого времени, то есть свидетельствует о нем как очевидец. Переход в будущее время связан с надеждой покинуть обозначенное время-пространство (*Быть может, за стеной Кавказа Сокроюсь от твоих нашей; А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца*).

Таким образом, хронотоп обоих стихотворений – современная лирическому герою Россия, из которой он хотел бы вырваться.

Эмотивное пространство текстов.

Эмотивное пространство текста М.Ю. Лермонтова организуется стилистическим контрастом лирически повышенного «стиля стихотворения» и горящего «ярким блеском» разговорного эпитета – *немытая Россия*. Формула *немытая Россия*, ставшая прецедентным текстом, подчеркивает поэтический пафос, выражаемый с помощью стилистически высокой лексики. Отношение выражается с помощью дейктических маркеров: местоимение *ты* при обращении к России и народу, *вы* – к голубым мундирам, *они* – к пашам, причем второличный и третьеличный дейксис определяет дистанцированность героя – он не относит к себя ни к рабам, ни к господам, ни к мундирам, ни к народу.

Оказавшись в энергетическом поле поэтического дискурса, эти слова приобретают необыкновенный эмоциональный заряд. Благодаря поэтической форме это знание приобретает яркое афористическое звучание.

Таким образом, семантическое пространство рассмотренных нами стихотворений имеет некоторые особенности, которые определяют когнитивный конфликт между поэтическим дискурсом и дискурсом власти:

– в обоих стихотворениях текстообразующий концепт «Власть» имеет смысловые компоненты, противоположные тем, которые предполагает (старается актуализировать) в этом концепте дискурс власти.

– хронотоп текста отображает реальное время и пространство;

– стихотворения передают резко негативную оценку изображаемого фрагмента мира.

Литература

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496с.